

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**УРОК
ОБОЛЬЩЕНИЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Урок обольщения / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-243649-9

Яшка Канунников по кличке Пельмень знакомится в привокзальном буфете с красивой незнакомкой. Та предлагает отметить это событие и угощает незадачливого парня дармовым вином. Очнувшись с разбитой головой в парке, Яшка не находит ни своего бумажника, ни часов... Похожая история случается с известным военкором, который умирает от полученной травмы спустя несколько часов после «свидания». Еще одна жертва — главбух местной фабрики, которому незнакомка «помогла» избавиться от крупной суммы казенных денег. Капитан милиции Сорокин бросает все силы на поиски опасной наводчицы и вскоре выходит на ее след. Но в последний момент выясняется, что задержать ее не так-то просто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243649-9

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

«...девки — зло. И ведь как подловила, кобра коварная!»

Это была чистая правда. Подсекли его мастерски, когда окончательно расквасился под жаркими лобзаниями да и растекся по сиденью в кино. Тут-то она, лисица, и вырвала это возмутительное обещание. Он спохватился, попытался ввести поправочку:

— Пивка-то можно.

— Нет.

— Да всего-то кружавчик!

— Нет.

— Да что за?..

— А ты обещал.

«Вот ведьмы! Разведут потоки, а потом — бряк! До конца ведь никогда ничего не выложат, а на́ тебе, уже обещал!»

Потому вот изволь отправляться в командировку, то есть в дальний путь, в Куйбышев*, — да на сухую! Само собой, в поезде все пили как верблюды, а в Куйбышеве лезли в глаза ларьки да цистерны. Ох, сколько всего вокруг буль-

* Пивная столица СССР в 1950-х гг.

кало — ни разу не пробованного и наверняка вкусного, — а шиш, обещал!

Он держался, скрипя зубами, зато вся командировка пошла псу под хвост. То есть «пассажиров» своих сдал, бумажки все оформил, но и только. Канцелярские девчата с разочарованным видом вздыхали: ведь были наслышаны про развеселого паренька, ждали с интересом, — а притащилась кислятина какая-то, тухлый типус, злой и неразговорчивый. Приехал, вывалил, бумажки получил, цедил сквозь губу — кому это понравится? И даже, хам, на рюмку чая не напрашивался, тотчас отвалил в общагу, завалился и ухо подушкой закрыл.

Все, в данном учреждении погибла репутация столичных специалистов.

Он проснулся ни свет ни заря, делать было решительно нечего. Выписался из общаги и битых три часа сидел в привокзальном буфете, с отвращением наливаясь чаем. Да еще дура-буфетчица рявкнула:

— Яков! — Он от неожиданности дернулся и раскокал казенный стакан. Выяснилось, что орали на местного грузчика, а за бой посуды пришлось раскошелиться. Тоже, знаете ли, духа не подняло.

Погрузился в поезд. Вот тут повезло с попутчиками, попались развеселые развеселые речные бичи. Сгоняли в буру несколько конов, и он повеселел: в кармане прибавилось, и гардеробчик пополнился шикарным макинтошем.

Проигравший речник, видно, широкой и доброй души, половины зубов нет, глаз подбит, сам

напялил ему шкуру на плечи, оправил, глянул издали, как на картину. Сказал:

— Еще вот, — и напялил ему промеж ушей... шляпу! Невероятную шляпу, точь-в-точь ковбойскую, только лучше! Кожаную, с дырочками! — Вот теперь жених.

Если бы булькало что внутри, он бы расчувствовался, а в сухом состоянии окрысился еще больше: «Проиграл и радуется, фингал позорный. Налакался из-под стола...»

Никто не лакал под столом, наоборот, предлагали глотнуть — а он свирепо отказывался, сбегал в тамбур, чтобы не соблазняться. Мысли в голове бурлили революционные: «А чёй-то ее слово — закон?», «Почему я должен делать то, что говорит она?», «Нашлась принцесса кривоногая...», «Да стоит мне свистнуть!...» и прочее.

Потому так и получилось: на Трех вокзалах он сошел и при деньгах, и при обновках, и готовый хоть сейчас доказать, что на любимой свет не сошелся клином.

И потому первым делом он принарядился, а плащ, хороший, но поношенный, свернул, перевязав бечевкой. Глядясь в стеклянные двери, сдвинул шляпу, чтобы было вперед и чуть набок, покрутился: макинтош — красота, сидит как влитой.

Королем он проследовал в вокзальный ресторан, плюхнулся к бару, но там и рта не дали раскрыть. Красавица — царица, талия в рюмочку, на пышной прическе белая крахмальная корона — кратко предписала:

— Кыш.

Он попытался покачать права:

— Вы что? Вот деньги, вот паспорт.

— Кыш отсюда, молокосос. Иначе выведут.

— Культура обслуживания у вас, — проворчал он и свалил от греха подальше в буфет.

В буфете людно, народ пьет чай, ест бутерброды, кто почище — бисквиты. За стойкой не наливают, но закрывают глаза на то, что у граждан есть с собой, лакают из-под полы. Он оглядел ассамблею — не, такие к себе не пригласят, да и везде комплект, по три человека.

Пригорюнившись, он пил опостылевший чай и зевал зверски, ибо все-таки устал. Казалось, что морды у всех белые и расплывчатые блины, витают приветственные московские ароматы — креозот, жареные пироги, гуталин...

И тут клевавший нос дрогнул, в ноздри проник невиданный запах, и они зашевелились, как у собаки-ищейки.

Духи. Нет, не «Красная Москва», тройной одеколон, ландыш серебристый или что похуже. Сначала показалось, что это кто-то беломорину потушил в розетке с вареньем, которое уже начало бродить. Сладкое, с гнильцой внутри. И вдруг полыхнуло жаром так, что он отпрянул.

— Свободно?

О как. Да уж, та, что душится такими вещами, от которой несет горечью, сладостью и горячим, церемониться не станет. Она просто встала рядом, опершись локотками о столешницу, и смотрела: на него ли, нет ли — неизвестно, потому как

лицо прикрыто вуалью. Блондинка. Шляпка обычная, а вуаль нежная, с черными мушками. Носик длинноват, но все равно красивый, а губы — огонь, точно пила что-то горячее и обожглась.

Пока он соображал, к чему это виденье, она подалась вперед и как бы невзначай распахнула свой плащ. Полыхнуло внезапным жаром, он сглотнул — из-под плаща сияла, подмигивая, бутылка.

Ее хозяйка, чуть улыбаясь, спросила:

— Хочешь?

Он, сглотив, тотчас выдал чистую правду:

— А то.

«Между прочим, все честно. Командировка уже закончилась, я обещал не пить в командировке, так что можно», — а уже спрашивал:

— Сколько денег?

— Фи, как пошло. Я от души.

И, пока он снова соображал, что к чему, она уже открытым текстом телеграфировала:

— Посидеть под луной. Винца выпить.

И уже по-хозяйски, ни о чем не спрашивая, взяла под руку. А он таким же манером накрыл своей лапой ее пальчики — надо же, и перчатки не нитка галимая, а кожа мягкая — и деловито спросил:

— К тебе?

Она тотчас кокетливо отбрила:

— А вы хам.

— Нет так нет, я на всякий случай. Можно и под луной, кто против. Пошли.

Пошли, само собой, по обоюдному стремлению забирая все дальше от света и людей, и логичным

образом оказались в сквере в стороне от вокзала. Темно, тихо, спокойно, ибо поздний вечер, сам скверик на благоустройстве, очень удачно огорожен для интимности заборами. Девушка представила скамейку как старую знакомую:

— Отменная лавочка, — а после этого извлекла из-за ароматной пазухи бутылочку и крайне умело откупорила. И потек по вечернему сырому воздуху сказочный, щемящий, слезу выбивающий запах, мешаясь с ее духами.

— Что же вы?

Он с благоговением принял посуду, удержался от того, чтобы сразу не хлебнуть, из вежливости сказал:

— Твое здоровье.

Жгучая жидкость пролилась огненным потоком, полезла с факелом одновременно вниз к желудку и вверх к мозгам. «Эге-гей», — и он, еще раз хлебнув, протянул-таки новой подруге.

Она отведала аккуратно и повела плечами, точно ежась от холода. Он, спохватившись, снял макинтош, накинул на нее, неизбежно приобняв, снова обалдел от запаха духов и кожи, полез руками. Она отстранилась, усмехаясь:

— Некуда спешить.

— Это кому как.

— А что же, женат?

— Не-а.

— Тогда незачем и... торопиться, — сказала она и чуть запнулась, застеснявшись. Картавила она знатно, и эта крохотная особенность вдруг показала остро знакомой. Он для верности хлебнул

еще раз и потянулся к вуальке — отодвинуть. Она не противилась. Ну и глазища! То ли серые, то ли голубые, чуть с прищуром, ледяные — и все равно мечтательные или задумчивые, точно она тоже пытается что-то припомнить.

«Фартит. Забирает не по-детски», — порадовался он, еще раз выпил, потянул к себе.

Она подалась послушно, глядела в упор, лишь на какой-то малюсенький момент взгляд ее метнулся в сторону, ему за спину. Чуть шевельнулись губы, он угадал скорее, чем услышал:

— Нет.

Но поздно. Взорвалось в затылке, земля ушла из-под ног. Нарастающий самолетный гул в голове — и все.

... — Я же сказала — не надо. Остолоп. На, — она скинула с себя макинтош, протянула подельнику, — сверни как следует, чтобы не светиться.

— Успеется.

Тот обирал деловито, сдернул шляпу, часы с запястья, забрал портсигар, выпотрошил бумажник, собрался было выкинуть документы, но девица потребовала:

— Дай.

Он протянул:

— Что, знакомый?

— Не твое дело. — Она изучила паспорт, удостоверение, перевернула бумаги, сказала: «Хм...», приказала: — Посвети на рожу.

— Не налюбовалась?

— Делай, что говорят. Та-а-ак. Все верни обратно.

— Все?! Часы-то... Швейцария!

Она сжалилась:

— Бери, так и быть.

— Портсигар же! Серебро.

— Надписи есть?

Тот проверил, посветив на крышку, присвистнул:

— «Тов. Канунникову. За мужество, проявленное при операции “Сом”». Во как.

— Оставь.

Он подчинился без звука поперек, уточнив:

— А шмотки?

— Вот это можно.

Пока приятель паковал выигранный у речника макинтош, аккуратно, чтобы без заломов, складывал шляпу, девушка распаковала старый плащ и набросила на лежащего.

Подельник пожал плечами:

— Не майся дурью, и так замерзнет.

— Нет, он привычный.

Они ушли, оставив его лежать на скамье, точь-в-точь похож на подгулявшего пьянчугу. Пальцы свесившейся руки дрогнули, медленно сжались, ощупывая землю. Разжались. И снова сжались.

ГЛАВА 1

На дворе уже почти ночь, но в гараже время идет иначе, потому что с пользой. Пахнет бензином, железяками, окалиной, маслом — дышать не передышать тому, кто понимает. Колька, закончив со всеми делами (опять в библиотеке полки впрыска пошли), проводил Олю и поволок Пельменю давным-давно заказанную им детальку, втулку распредвала. Небось пересажали всех Андрюхиных спекулянтов, неоткуда стало дефицит доставать, вот он и попросил помочь.

Пожарский два вечера после работы старался, потом удалось договориться — предоставили печь для закалки. И теперь Колька с тихой гордостью распахнул рогожку и повернул к свету, чтобы красиво сияло...

Пельмень, неблагодарная укуси́на, буркнул:

— Не то. Не встанет.

— Что — «не то»?! Что ты нарисовал, то я и выточил.

— Ну будя, будя.

Колькина правда, чертить он не умеет, все норовит разъяснить без книжки, на пальцах — и по-

тому часто получается черт-те что. Андрюха сдал назад:

— Да ладно, притрем сейчас, на пару сотых. Где-то пасты малеха оставалось.

И сделал вид, что ищет. Колька тотчас остыл:

— Хорош обезьянничать. Принес я тебе и пасту, как просил.

— Отлично, — Пельмень, открыв банку, вдохнул резкую вонь, вздохнул гурмански, — ох и отличная штука! Откуда берете только.

— Оформляем отношения-заказики, выделяют как положено.

— Угу. — Пельмень выставил чугунную чушку, тяжеленькую, с проточенными канавками, ровно и любовно, как масло на хлебушек, нанес серо-зеленую пасту.

Колька надел втулку на оправку, прижал, начал вращать, плавно, без рывков, восьмеркой, привычно. И придраться было не к чему, но Андрюха старался:

— Поднажми.

Колька беззлобно огрызнулся, нажимая чуть сильнее:

— Не учи ученого.

Работает паста, вылезает по канавкам кашица с металлической пылью. Колька снял детальку:

— Порядок.

— Ну да, ага, — бубнил Пельмень, а сам ветошкой протер, промыл керосином, вставил в блок, крутанул. И заурчал, как пес, довольный костью.

— Сидит? — спросил Пожарский.

— Сидит!

Чуть позже Пельмень влез в кабину, открыл подсос, нажал пару раз на педаль газа и, пробормотав поповское благословение, повернул ключ зажигания. Полуторка чихнула, но тотчас, как бы спохватившись, зарокотала ровно, будто и не болела никогда.

Андрюха заглушил двигатель, спрыгнул с подножки, хлопнул по плечу:

— Славно, славно. С меня причитается.

— Сочтемся. Так, ну что, чайку на посошок? Завтра на работу.

— Проставляюсь, — Пельмень нарезал хлеба, вскрыл консерву, достал сахар, желтоватый, крупный, выставил кружки. К тому времени, как вода в чайнике вскипела, в дверь просунулась Сонька.

Колька поднял в знак приветствия кружку:

— Софии Викторовне.

— Вольно, — разрешила девчонка.

Пельмень, намазывая тушенку на хлеб, спросил:

— Жрать будешь?

Сонька назидательно заметила:

— Грубо и невоспитанно, — и тем не менее бутерброд приняла, взяла полхарча зараз, — но спасибо.

Третьей кружки не было, поэтому Колька предложил пить из своей. Некоторое время чаевничали с сахаром, вытирая пот, выступающий от горячего, отдувались и цыкали зубами. Потом Пельмень, глянув на часы, спохватился:

— Эй, а ты что тут делаешь-то? Мать твоя голову оторвет.

— Не-а, — успокоила Сонька, грызя уже сахар, — я потихоньку. Так, а что я хотела-то... да! Там Анчутка какой-то стукнутый.

Помолчали. Пельмень подбодрил:

— И в чем новость? Он всегда такой.

— Я в прямом смысле. Лежит, охает. Я ему маминами вонючками голову смазала, но есть такое мнение, что этого мало. Идите сами посмотрите.

...Яшка лежал на койке, стараясь не шевелиться. Голова при каждом движении так болела, что хотелось взвыть и повиснуть на потолке. Придя в себя, он своим ходом добрался до ДПР, сдал все бумаги, отчитался вполне толково — и, дойдя до койки, упал и принялся умирать.

Там, где череп кончался и начиналась шея, было горячо, липко. Яшка осторожно потрогал — шишка огромная, вроде бы корка запеклась. Глянул на руку — чисто, кровь не течет.

Голова теперь и болела, и гудела, как трансформатор, ровно и тяжело, на одной ноте, а сердце отдавалось через зубы прямо в мозги. В глотке было сухо и стоял медный привкус. Яшка кашлянул — и мир тотчас перевернулся кверху дном, потолок поплыл в сторону, стены накренились, как карточки в домике.

Вот когда пожалеешь, что один в комнате. Пить хотелось зверски, но встать никак, он пробовал уже, когда Сонька сунулась помазать чем-то. Надо просто лежать и терпеть, может, отпустит. Яшка повернулся на бок, осторожно, с трудом, боясь спровоцировать новый приступ боли. Подтянул колени к животу, свернулся калачиком. Пот сте-

кал по виску, щекотал разбитую губу. Он слизнул его. Соленый, как кровь.

— Твою ж в бога душу... — Он смолк, закрыл глаза, уткнувшись в несвежую подушку. Больно ругаться.

От двери слышался голос:

— Ох ничего себе.

Яшка с трудом продрал глаза, прошелестел сухими губами:

— Дайте воды, черти.

Осмотрев его, Пельмень со знанием дела констатировал:

— Допрыгался. Надо в больничку.

Яшка, испив водицы, воспрял духом, немедленно развыступался:

— Никуда не поеду! Больничный, и все такое, это не надо. Деньги нужны. Мне отлежаться, и все.

— Тошнит тебя, — напомнил Колька, вытирая пол, — и в глазах у тебя двоится, пальцы видишь, которых нет.

Анчутка сварливо заявил:

— Ты жульничаешь! Показываешь два, а потом третий суешь.

Пельмень заметил, обращаясь к Кольке:

— Треснуто-то от души. Удивительно, как на своих двоих добрался. — И обратился уже к другу: — Где тебя так? В поезде?

— Нет, — буркнул тот, пялясь строго в угол.

— Неужто в Куйбышеве?

— Нет!

— Да ладно. Неужто...